

Загадка могилы императрицы Марии Федоровны

В начале 1988 г. средства массовой информации распространили сенсационное сообщение: в Петропавловском соборе в могиле императрицы Марии Федоровны находятся записки усопшей¹. Тогда же возник вполне естественный вопрос: разве нельзя вскрыть могилу императрицы и достать оттуда важнейший культурный памятник? Раз записки оказались в гробу, значит, наверняка они заключают в себе какую-то тайну. Не настало ли время ее раскрыть? Но постепенно разговоры стихли. Гробница вдовы Павла I, урожденной принцессы Софии Доротеи Виртембергской, матери двух императоров, Александра I и Николая I, не была потревожена. Тайна же, о которой вскоре все забыли, так тайной и осталась. В связи с этим хочу познакомить читателя с одним любопытным документом. Он проливает некоторый свет на эту загадочную историю и приоткрывает завесу над тайной могилы императрицы. Мне посчастливилось обнаружить этот документ в Российском государственном историческом архиве среди материалов коллекции Г.В. Есипова, заведующего общим отделом архива Министерства иностранных дел. Это рапорт коменданта Санкт-Петербургской крепости министру двора от 27 октября 1866 г. о находке ковчега в могиле императрицы Марии Федоровны. Текст гласит: «Сего числа при снятии гробницы над могилою в бозе почившей императрицы Марии Федоровны для замены таковой из нового мрамора оказался сверх пола медный ящик, укупоренный войлоком и обложенный кирпичами. Из дел комендантского управления не видно, что в этом ящике хранится, но, судя по тщательной укупорке его, нельзя было не прийти к заключению, что ящик этот составляет ковчег с внутренностями в бозе почившей императрицы Марии Федоровны. По сему, сделав распоряжение об установке сего ковчега при личном моем присутствии на прежнее место с совершением панихиды благочинным Петропавловского собора Полисадовым и постановкою ковчега вновь устроенной гробнице, имею честь донести об этом Вашему Сиятельству. Комендант инженер-капитан Сорокин»².

Что же заключал в себе медный ящик в действительности?

В октябре 1828 г., одержав победу над Портой Отоманской под Варной, император Николай Павлович сел на корабль «Императрица Мария» и отправился в Россию. Когда царь прибыл в Петербург, в Зимнем

дворце победителя ждала неприятная весть: его мать, в честь которой был наименован корабль, оказалась пораженной опасной болезнью. Поначалу болезнь эта как будто не вызывала серьезных опасений, поэтому Николай уверял в письме к своему брату цесаревичу Константину, что лейб-медик И.Ф. Рюль «не имеет ни малейшего сомнения насчет скорого выздоровления». Однако потом жена канцлера К.В. Нессельроде сообщила брату: «Я убеждена, и это общее мнение, что Рюль, доктор императрицы, не понял болезни. Такова уж судьба, что наша императорская фамилия окружает себя плохими докторами и настолько любит их, что не хочет других, а этот Рюль не понял болезни». И действительно, придворный врач ошибся в диагнозе. 22 октября 1828 г. доктор А.А. Крейтон вынужден был пустить императрице кровь; тем не менее появились признаки паралича. С этой минуты уже ничего не могло спасти императрицу³.

Еще за два года до того императрица разобрала свои бумаги, составила полный список их, вручила его статс-секретарю Г.И. Вилламову, распределила документы по конвертам, написал на каждом, как поступить с содержимым их, т.е. подлежат ли они сожжению или отсылке. Готовясь к смерти заранее, Мария Федоровна 1 ноября 1826 г. составила в Гатчине завещание. «Я желаю, чтобы пепел от писем моих родителей, — писала вдовствующая императрица, — был положен со мною во гроб». Часть писем своего старшего сына Александра Павловича Мария Федоровна запечатала в особый пакет. Она хотела вернуть их сыну после свой смерти, но Александр умер на три года раньше матери. Мария Федоровна завещала своему четвертому сыну Михаилу сжечь эти письма, не распечатывая их. Такая же судьба предназначалась и выделенным в особый запечатанный пакет письмам ее покойного супруга Павла⁴.

24 октября 1828 г. в два часа тридцать минут пополудни императрица Мария Федоровна скончалась. Узнав о смерти матери, ее второй сын Константин 3 ноября прибыл в Петербург из Варшавы. На другой день вечером он присутствовал при положении во гроб и перенесении тела императрицы-матери из Тронной комнаты в каструм делорис, устроенный с необычайным великолепием в Кавалергардской зале, обращенной в траурную залу.

Последний сын Михаил Павлович приехал в столицу еще ранее цесаревича. Получив в Кишиневе извещение об опасной болезни матери, он немедленно поспешил в Петербург.

Тринадцатого ноября последовал вынос тела из Зимнего дворца в Петропавловский собор и отпевание. Траурная процессия прошество-

вала от дворца по Миллионной улице, Царицыну лугу, Суворовской площади и Троицкому мосту. За колесницей шествовал император Николай в траурной епанче, в шляпе с распущенным длинным флером. Это было последнее погребение члена императорской фамилии, совершенное при соблюдении старинного церемониала, установившегося со времени кончины Петра Великого. Император Николай выразил при этом желание, чтобы подобный церемониал не был применен при его погребении⁵.

Не успели похоронить Марию Федоровну, как выяснилось, что помимо воли, выраженной в завещании, императрица приказала сыну Николаю уничтожить еще целый ряд важнейших документов. Вот что по этому поводу писал 14 января 1829 г. Николай Павлович цесаревичу Константину: «По ее приказанию я был должен лично сжечь целый ящик, наполненный серией томов, родом воспоминаний или дневника, писанных ею собственноручно, из года в год, восходящих до семидесятих годов и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, что меня это очень огорчило. Непонятно, как матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею»⁶. Константин полностью одобрил поступок брата. «Было бы очень любопытно прочесть его, — отозвался цесаревич, — но если уж такова была ее воля, то осталось только в точности ее исполнить»⁷.

Можно не сомневаться, что воля покойной матери, выраженная в ее завещании, была в точности исполнена: пепел от писем ее родителей положили во гроб. О сожжении самой сокровенной части архива императрицы — ее дневников — Николай сообщил брату только спустя два месяца после того, как Константин уехал. Чем была вызвана эта задержка? Видимо, ответ надо искать в ехидном замечании Константина: «Было бы очень интересно прочесть...». На несколько томов был потребен не один месяц. Как бы то ни было, Николай сжег дневники не сразу...

Ну а пепел?

Думается, не случайно медный ящик при вскрытии гробницы был обнаружен рабочими не в самой могиле, а «сверх пола», т.е. под мраморным саркофагом, не в самой могиле, под полом. Наверное, ковчег поместили сюда уже после похорон. Четыре десятилетия спустя благочинный Полисадов и не подозревал, что панихиду-то он служил над пеплом. Комендант крепости просил высочайшего разрешения вскрыть ковчег, но получил категорический отказ⁸.

Так стоит ли вскрывать могилу императрицы? Думаю, ответ напрашивается сам собой.

Примечания

¹ Краюхин С. Тайник императрицы // Неделя. 1988. № 7. 15–21 февраля.

² РГИА. Ф. 938. № 257. Л. 1.

³ См. подробно: Шильдер Н.К. Император Николай Первый. СПб., 1903. Т. II. С. 180–187.

⁴ Завещание императрицы Марии Федоровны // Русская старина. 1882. Кн. I. С. 128–131.

⁵ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 184.

⁶ Там же. С. 187, 443.

⁷ Там же. С. 187, 444.

⁸ Краюхин С. Указ. соч.

С.И. Зенкевич

Граф Е.Ф. Канкрин как литературный герой

Однажды петербургский немец Е.Ф. Канкрин в частной беседе с другим петербургским немцем Н.И. Гречем остроумно заметил: «Чем бы я был, если б остался в Германии! Там тесно уму — и немец как капуста: надобно пересадить его на другую почву, чтоб у него выросла голова!»¹. Это, конечно, шутка, игра слов, основанная на многозначности немецкого слова «Korfb» — и голова, и кочан (капусты). Однако и в самом деле именно на российской, петербургской, почве Егор Францевич Канкрин стал выдающимся государственным деятелем. Он приехал из Германии в 1797 г., служил в Петербурге и в других российских городах, с 1809 г. занимал должность инспектора над Петербургскими иностранными колониями; в годы Отечественной войны был назначен генерал-интендантом 1-й западной армии (1812), а затем — объединенной действующей армии (1813). В 1823 г. Е.Ф. Канкрин возглавил Министерство финансов. Находясь на этом посту в течение двадцати одного года, он значительно упорядочил денежную систему, добился бездефицитного бюджета, осуществил денежную реформу². Е.Ф. Канкрин всячески содействовал распространению науки и технических знаний³, поддерживал строительство и ландшафтные работы в Петербурге⁴, дал толчок нескольким периодическим изданиям⁵. За заслуги перед Россией министр был пожалован высокими наградами и графским титулом⁶.